

Надо признать, для Кэна Фурукавы эти два круглоголовых бумажных сикигами стали настоящим спасением.

По сравнению с бесполезным паршивцем Хокигами, куклы-помощники не только мели полы, но и превосходно управлялись с домашним хозяйством — они даже умели готовить! Кэн диву давался, как ловко они подмешивали специи в пресные рисовые колобки, умудряясь придавать пресным данго вкус морской соли, кислых слив умэбоси или сладостей. А однажды внутри рисового шарика ему и вовсе попалась начинка из нежнейшего майонеза!

В ту эпоху обычное куриное яйцо считалось роскошью. Для простолюдинов это лакомство оставалось практически недоступным — его днём с огнём было не сыскать на рынках.

Ещё сильнее его поразила глиняная посуда. Склеенные по кусочкам черепки просохли за пару дней на солнце и снова пошли в дело. Вернувшись однажды домой, Кэн застал забавную картину: бумажный слуга преспокойно наливал воду в покрытую паутиной трещин пиалу, и та ничуть не протекала.

На фоне этих маленьких домашних гениев вредный дух метлы выглядел совсем уж ничтожеством.

Наслаждаясь наконец-то обретшими вкус данго и зарываясь по ночам в мягкую постель, Кэн чувствовал, как душу затапливает умиротворение. Жизнь определённо налаживалась.

Дела с продажей переписанных книг спорились. Новая партия поэтических сборников разошлась без остатка, что позволило выручить неплохую сумму. На эти деньги он наконец-то закупил бамбуковый уголь — нужно было основательно подготовиться к первой зиме в чужом мире.

С каждым днём холодало. Кэн твёрдо решил обустроить очаг. Как ни суши, как ни взбивай тюфяки, они оставались набитыми обычной соломой и конопляной кострой. Спать на таком зимой — удовольствие сомнительное. К тому же здешние зимы оказались куда суровее тех, к которым он привык в прошлой жизни. Сквозь щели в стенах завывал пронизывающий ветер, и по ночам юноша то и дело просыпался от сильной дрожи.

С приходом ноября крыши по утрам подёрнулись сизым инеем. Улицы опустели, а работа в Палате Онмё превратилась в изошрённую пытку. В скриптории из соображений безопасности строго-настрого запрещалось разводить огонь. Переписчикам оставалось лишь кутаться во все одежды, какие только удавалось раздобыть.

К сожалению, раздобыть достаточно металла для полноценной печи так и не удалось — товар стоил баснословных денег. Тогда Кэн вспомнил об \*ирори\* — традиционном открытом очаге, который он когда-то видел в исторических мангах. О том, чтобы сложить каменный

обогреваемый кан, не шло и речи — не хватало ни умения, ни кирпича. А вот вырыть простой очаг посреди комнаты было вполне по силам.

Притащив с холмов плоские валуны, Кэн выкопал небольшое углубление в земляном полу своей хижины, обложил его камнями на манер походного кострища и засыпал внутрь угли. Так в его убогом жилище появился первый, пусть и неказистый, источник тепла.

Бумажные человечки не могли ворочать тяжёлые булыжники, зато взяли на себя заботу о поддержании пламени. Они неустанно следили, чтобы угли не угасали, бережно сохраняя тепло к приходу хозяина. От такой трогательной заботы у Кэна теплело на душе.

За это время он выкроил немного монет на покупку двух сломанных амулетов призыва. Из них вылупились Тётин-обакэ и красный Аманодзяку. Оба создания годились разве что на забаву, но, помня о строптивом нраве вредного Хокигами, Кэн решил не рисковать и сразу упрятал новоприбывших духов в бестиарий.

Да и к чему они ему сейчас? При его размеренном, мирном укладе жизни выпускать этих троих в дом не имело никакого практического смысла.

Морозы крепили. Даже одежда, созданная волшебным гардеробом, уже едва спасала от стужи. Хуже всего приходилось ногам: тёплой обуви у Кэна не водилось, и ему приходилось бегать по обледененным дорогам в простеньких плетёных сандалиях-варадзи.

Стоять на часах у ворот Палаты и выметать утренний сор в такую погоду было сущей мукой.

— Ох и холодина... Зуб на зуб не попадает! — напарник Кэна, не выдержав, принялся прыгать с ноги на ногу, пытаясь согреться. — Кэн, неужто ты совсем не мёрзнешь?

— Мёрзну, конечно, — вздохнул Кэн, покосившись на приятеля. — Только не скажи так, а то старшие увидят — живо нахлобучат.

Напарник его был парнем неплохим, но судьба обошлась с ним ещё суровее. Кэн хотя и начинал в «безумном режиме», всё же имел над головой хоть и дырявую, но крышу, да и игровая система время от времени выручала. Этот же юноша был круглым сиротой. Без кола, без двора и без единой живой души, которая могла бы о нём позаботиться. Если бы не редкий дар видеть сокровище, он давно бы сгинул в какой-нибудь сточной канаве или примкнул к столичным воришкам. Подобных бедолаг в Палате Онмё числилось немало. Ведомство приютило их, но взамен забирало свободу: на них взваливали самую грязную и тяжёлую работу. И даже если в будущем они раскрывали свой талант, без знатного происхождения им светило лишь одно — до конца дней оставаться безликими слугами великих мастеров.

Насмотревшись на чужие беды, Кэн перестал жаловаться на собственную долю. Пожалев стучащего зубами товарища, он негромко предложил:

— Ступай-ка ты лучше в класс. Там уже наверняка разожгли жаровни. А я здесь сам закончу.

— Но как же... — напарник замялся. Всё-таки они учились бок о бок уже полгода, к тому же после затеи со стихами Кэн пользовался в Палате заслуженным уважением. Оставлять его одного на ледяном ветру было неловко.

— Не переживай. Спросят — скажу, отошёл по нужде, — подмигнул Кэн. — С метлой я и в одиночку управлюсь.

— Спасибо тебе огромное! — парень низко поклонился и, шумно дыша на окоченевшие пальцы, припустил в сторону тёплых покоев.

Кэн действительно мёрз меньше своего товарища. С ростом его влияния в ведомстве улучшилось и качество вещей, которые шил волшебный гардероб. Он отключил ежедневное создание лёгких летних кимоно и потратил целых полмесяца на пошив добротного зимнего одеяния. Плотная ткань отлично держала тепло.

Вот только ноги ниже лодыжек всё равно нещадно ломило от холода.

Стоя у ворот, он лениво шоркал бамбуковой метлой по мёрзлой земле, то и дело незаметно потирая одну ступню о другую.

Из утренней дымки на дороге со стороны города медленно вынырнула запряжённая волом повозка. Кэн оторвал взгляд от метлы и замер. По обе стороны от кареты вышагивали два исполинских демона с жуткими, искажёнными яростью личинами. Демонические стражи двигались бесшумно, охраняя покой своего хозяина.

«Высокоранговый мастер!» — мгновенно сообразил юноша и поспешно согнулся в глубоком поклоне:

— С возвращением, господин.

— Приветствую, — послышался в ответ мягкий, бархатистый голос.

Из повозки неторопливо вышел мужчина в белоснежном шелковом каригину. На его голове высилась лакированная шапка-эбоси, из-под которой на плечи мягкими волнами спадали длинные тёмные волосы. Незнакомец приветливо кивнул притихшему ученику:

— Новое лицо. Поступил в Палату этой осенью?

— Всё так, господин, — Кэн выпрямился, лишь когда гость сделал разрешающий жест.

Он не удержался от мимолётного, полного любопытства взгляда. Перед ним стоял на удивление красивый молодой мужчина, от которого веяло спокойствием и благородством. Кэн пока ещё плохо читал чужие ауры и не мог определить точный уровень его духовных сил, но одного вида двух свирепых в качестве личной стражи хватало, чтобы понять: этот человек обладает колоссальным могуществом.

Заметив направление его взгляда, мастер мягко улыбнулся:

— Видишь моих спутников?

— Да, вижу, — послушно кивнул юноша.

— Стало быть, твои духовные каналы открыты. Успел ли ты освоить какое-нибудь искусство? — полюбопытствовал незнакомец.

— Нет, господин. Я пока только постигаю азы, — Кэн замотал головой.

И это было чистой правдой. Недавно он закончил штудировать летописи и мифы этой страны, перейдя к изучению классического китайского письма и древних трактатов Срединной Империи. Для него, как для попаданца, эти занятия казались пустой тратой времени, но правила приличия требовали молча сносить нудные лекции.

Мастер снисходительно усмехнулся:

— Меня зовут Асакура Хао. Я твой старший коллега, так что отбрось излишнюю робость.

— Господин Асакура Хао, — Кэн поспешно поклонился ещё раз.

В его голове тут же завертелись мысли о том, какими иероглифами пишется это имя. «Хао»? Неужели знак «хорошо»? Нет, вряд ли благородный онмёджи назвал бы себя так просто.

В эту эпоху имена аристократов и практиков онмёдо записывались исключительно китайскими иероглифами — кандзи. Считалось, что использование слоговой азбуки-каны — удел безродных простолюдинов или тех отпрысков клана, на ком природа полностью отдохнула.

Пытаясь сообразить, с кем имеет дело, Кэн лихорадочно перебирал в памяти написание редких знаков.

— Первый иероглиф — «лист», второй — «владыка», — раздался тихий голос.

Асакура Хао, словно прочитав немой вопрос на его лице, мягко подсказал правильное

написание.

— Простите мою дерзость, господин Асакура, — вспыхнул Кэн, укоряя себя за невольную оплошность.

— Ну же, я ведь просил не церемониться... — Мужчина покачал головой и, достав из рукава изящный веер, несильно хлопнул им по ладони. — Что ж, мне пора идти. Набирайся сил и усердно учись, чтобы вырасти в достойного мастера.

— Слушаюсь. Я не забуду ваших слов, господин, — Кэн склонился в поклоне, провожая взглядом повозку и её величавого владельца, скрывшихся за воротами обители.

Прибытие прославленного мастера вызвало в коридорах Палаты немало шёпота. Дождавшись перерыва между занятиями, Кэн подозвал утреннего напарника и тихонько спросил:

— Послушай, господин Асакура показался мне на редкость приветливым человеком. Отчего же все вокруг так занервничали при его появлении?

— Ты правда не знаешь? — испуганно вытаращился тот, заозиравшись по сторонам. — Господин Хао — единственный ученик великого Хамоти-но Тадамото!

— Хамоти-но Тадамото? — наморщил лоб Кэн. — Признаться, я впервые слышу это имя.

— Ещё бы, ведь он служит лично Его Величеству Микадо! — Собеседник понизил голос до едва различимого шёпота. — Говорят, сорок лет назад мастер Хамоти превосходил по силе самого Камо-но Тадаюки. Он десятилетиями наотрез отказывался брать учеников, пока в один прекрасный день не приютил сироту неизвестного происхождения. Собственно, господин Тадамото и нарёк его именем Хао.

— Всё равно не понимаю, к чему такой страх, — пожал плечами Кэн. — Неужели все боятся разгневать его глупой провинностью? На мой взгляд, он на редкость благодушен.

— Тише ты! — замахал руками парень. — С ума сошёл — так громко рассуждать? Дело ведь не в характере господина Хао. Да, он великодушен, но... понимаешь, ему ведь всего девятнадцать лет! А его гений признал сам Абэ-но Сэймэй. Великий мастер не раз превозносил его талант и даже советовал старейшинам назначить Хао следующим главой клана Асакура.

«Клан Асакура?» — Кэн мысленно перебрал известные ему благородные фамилии. Сейчас искусство онмёдо переживало золотой век, и новые школы плодились по всей стране как грибы после дождя. Об Асакуре он слышал мельком.

— Да, их родовое гнездо находится в провинции Идзумо. Много лет назад их прежний патриарх учился у господина Хамоти. — Напарник, успевший провести в Палате гораздо больше

времени, ориентировался в местных интригах как рыба в воде. — Но как только Абэ-но Сэймэй заговорил о наследстве, старейшины приняли эти слова в штыки. Между господином Хао и кланом пробежала чёрная кошка. И это ещё не всё...

Ученик воровато огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, прошептал на самое ухо Кэну:

— Из-за этого дела отношения между мастером Хамоти и могущественным домом Камо дали серьёзную трещину. Сам понимаешь, какие там закрутились интриги... — Он со вздохом пожал плечами. — Мой тебе совет: держись от греха подальше от господина Хао. Целее будешь.

Слова приятеля заставили Кэна задуматься. Он прекрасно понимал, что лезть в противостояние высшей знати для безродного ученика — верная гибель.

— Спасибо за предупреждение, — искренне поблагодарил он напарника. — Я всё понял. Кстати, я тут переписал несколько новых стихотворений-вака. Взглянешь?

— Спрашиваешь! Конечно хочу, спасибо! — просиял тот.

Влияние могущественного клана Камо простиралось далеко за пределы Палаты Онмё. Это был настоящий политический спрут, опутавший своими щупальцами весь императорский двор. Кэну, едва сводившему концы с концами, соваться в такие сферы было безумием. Пришлось с сожалением отказаться от заманчивой мысли ненавязчиво предложить господину Хао один из своих поэтических сборников.

А ведь всё упиралось в банальную нехватку денег. Чёртова игровая система наотрез отказывалась развиваться без щедрых золотых вливаний. Ну за какие грехи ему достался столь прожорливый интерфейс?

Кэн тоскливо вздохнул, стараясь лишний раз не смотреть на полупрозрачную рамку перед глазами, где назойливо мерцала неоновая надпись, призывающая немедленно пополнить баланс.

<http://bllate.org/book/18244/1748173>